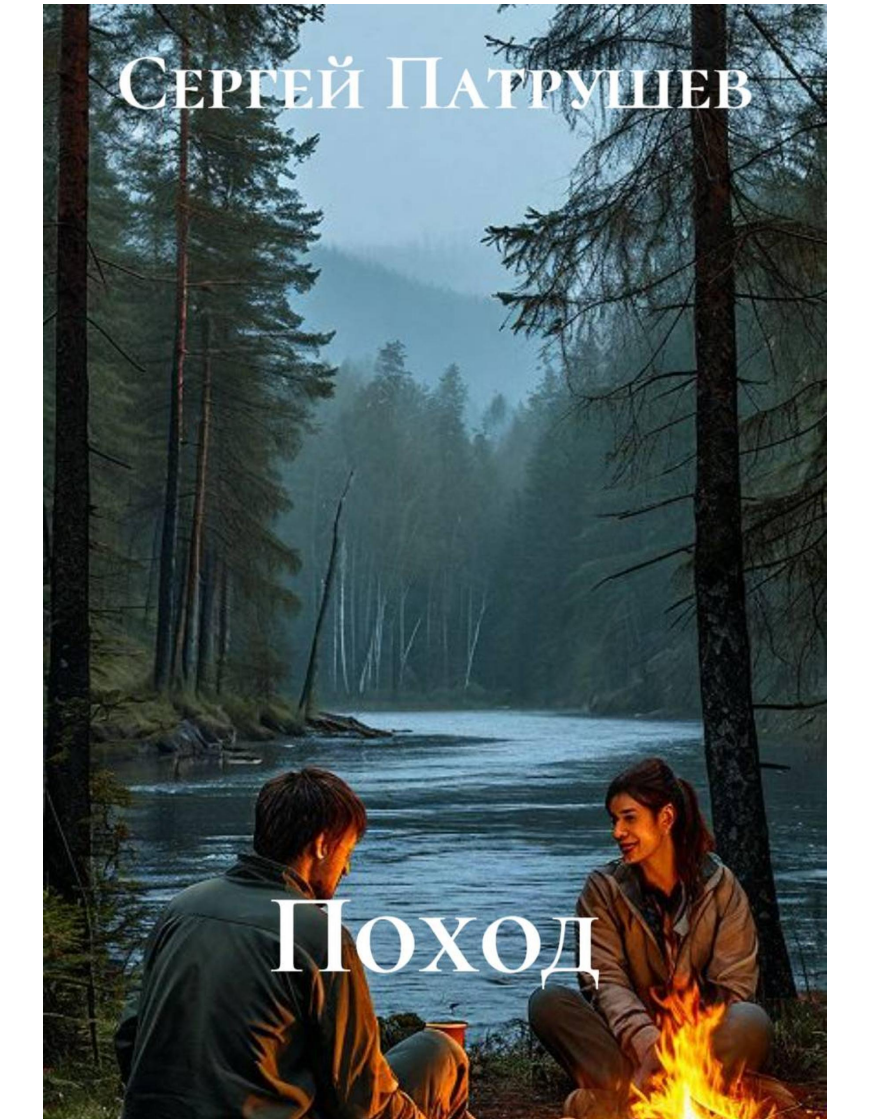

A man and a woman are sitting on the ground in a forest, facing each other and smiling. A bright campfire is burning in front of them. The background shows a river flowing through a dense forest of tall evergreen trees. The scene is misty or foggy, creating a serene and atmospheric setting. The lighting is soft, with the warm glow of the fire contrasting with the cool tones of the forest.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Поход

Сергей Патрушев

Поход

<https://litres.ru/74353929>

SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей и Марина — обычная городская пара, увязшая в бесконечной гонке за успехом, дедлайнами и цифровым шумом. Однажды вечером, глядя на карту, Андрей предлагает спонтанную идею: бросить всё и уехать в глушь, на безымянное лесное озеро. Марина соглашается мгновенно.

Два дня вдали от цивилизации становятся для них настоящим перерождением: тишина, туманные рассветы, рыбалка, ночные разговоры у костра, ледяное купание и летний дождь возвращают им то, что они давно потеряли — друг друга. Эта история о том, как важно иногда останавливаться, слышать себя и понимать, что счастье не в бесконечной спешке, а в простых моментах, разделённых с любимым человеком.

Содержание

Глава 1. Пора уезжать	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Патрушев

Поход

Глава 1. Пора уезжать

В то утро город проснулся точно так же, как просыпался на протяжении многих последних лет — с тяжелым, надсадным выдохом тысяч автомобильных моторов, с пронзительными гудками клаксонов, вплетающимися в сырой, пропитанный гарью и мелкой взвесью выхлопных газов воздух, с оглушительным грохотом отбойных молотков, доносившимся откуда-то со стороны очередной бесконечной стройки, которая, казалось, никогда не завершится, а будет лишь разрастаться, поглощая последние клочки живой, дышащей земли под безжалостными гусеницами экскаваторов. Андрей стоял у окна своей квартиры, прижавшись лбом к холодному, запотевшему от его дыхания стеклу, и смотрел вниз, на муравьиную реку проспекта, разделенную надвое бесконечной, извивающейся полосой пробки, которая пульсировала и переливалась в такт невидимым светофорам, то замирая, то снова приходя в судорожное, спазматическое движение, словно огромный раненый зверь, пытающийся вырваться из западни. Огни автомобильных фар расплывались в утренней

мороси, висевшей в воздухе мельчайшей водяной пылью, превращая машины в разноцветные, дрожащие, бесформенные пятна, которые сливались в один сплошной, тревожный организм, живущий своей собственной, судорожной и совершенно чуждой человеку жизнью, подчиненной лишь бессмысленным законам вечной спешки. Где-то там, в этом бесконечном потоке, застряли люди, такие же, как он сам, запертые в тесных коробках из металла и пластика, с глазами, устремленными в светящиеся экраны смартфонов, с мыслями, прикованными к графикам, дедлайнам и пустым, ничего не значащим обещаниям, которые раздаются так легко, с такой показной уверенностью, и забываются еще легче, как только закрывается дверь кабинета.

Он отстранился от окна, оставив на холодном стекле мутное, расплывчатое пятно от собственного дыхания, которое медленно, неумолимо стягивалось к краям, исчезая в сером утреннем полумраке, словно растворяется в беспощадной реальности всякая, даже самая робкая надежда на перемены, стоит лишь на мгновение отвлечься, позволить всепоглощающей рутине снова затянуть тебя в свою вязкую, липкую трясику, из которой с каждым днем все труднее выбраться. Рука сама, по выработанной годами привычке, потянулась к телефону, к этому черному, бездушному прямоугольнику из стекла и пластика, который вибрировал и мигал, требуя внимания, как капризный, избалованный ребенок, не при-

знающий ни отказа, ни промедления, ни самого понятия покоя. Экран вспыхнул, выбросив на поверхность целый ворох бесконечных уведомлений: электронные письма с ничего не значащими, пустыми темами, сообщения из бесчисленных рабочих чатов, где люди обменивались бессмысленными символами и картинками, создавая лишь видимость бурной деятельности, новости, где очередной мировой кризис причудливо сплетался с очередной дурацкой сенсацией, образуя сплошной, белый шум, который заполнял собой все пространство, не оставляя места для тишины, для размышлений, для самого себя. Андрей машинально прочитал пару строк, не понимая и не желая понимать их смысла, и отложил телефон, чувствуя, как внутри разрастается тупая, знакомая, почти физически ощутимая пустота, которая давно уже стала его постоянным спутником, его второй натурой, его проклятием. Он снова посмотрел на окно, на серое, безнадежно низкое небо, затянутое плотной, непроницаемой пеленой тяжелых туч, из которых сыпалась не то противная изморось, не то мелкий, колючий дождь, превращающий улицы в грязные, блестящие под тусклым светом фонарей реки, по которым плыли отражения бесконечных вывесок и рекламных щитов. Казалось, сам город сочится этой влагой, этой усталостью, этим всеобщим бессилием перед бесконечным, изматывающим бегом по кругу, из которого нет выхода, есть лишь бесконечное повторение одного и того же дня, одной и той же серой, унылой реальности.

Марина сидела за кухонным столом, склонившись над раскрытым ноутбуком, и в этой позе, в этом напряженном, неестественном изгибе спины, было столько обреченной покорности, столько молчаливого, застарелого страдания, что у Андрея болезненно сжалось сердце, словно его сдавила чья-то невидимая, ледяная рука. Ее тонкие, изящные пальцы быстро, но совершенно механически, без всякого выражения, без всякого участия души, бегали по клавиатуре, выбивая сухую, монотонную дробь, похожую на стук дождевых капель о жестяной подоконник за окном. Взгляд ее был устремлен в экран, где плавно, неумолимо ползли бесконечные строчки кода, сплетаясь в замысловатые, причудливые узоры, понятные лишь ей одной, узоры, которые, казалось, опутывали ее саму, как паутина опутывает попавшуюся муху. Она не замечала ни серого, унылого света из окна, ни тихого, нутужного гудения старого холодильника, ни того, как чашка с давно остывшим, невыпитым чаем подрагивает от ее собственных, едва уловимых, нервных движений, расплескивая по блюдцу мутные, коричневые капли. Ее спина была неестественно прямой, а плечи напряжены так, словно на них лежала вся неподъемная тяжесть этого утра, этого города, этой бесконечной, выматывающей гонки за призрачным, ускользающим успехом, который, даже будучи достигнутым, не приносил ничего, кроме новой пустоты и новой усталости. Андрей смотрел на нее и видел не жену, не любимую

женщину, а какую-то идеально отлаженную, но бесконечно уставшую машину, которая продолжает работать лишь потому, что не умеет останавливаться, потому что остановка для нее равносильна смерти, равносильна признанию собственного поражения. В этом было что-то пугающе знакомое, что-то такое, от чего становилось не по себе — он и сам был такой машиной, и все вокруг, весь этот огромный, бездушный город, состоял из таких же безотказных, изношенных до предела механизмов, которым давно пора на покой, но которые продолжают крутиться вхолостую, сжигая последние искры жизни, последние капли человеческого тепла.

— Кофе? — спросил он, и собственный голос показался ему чужим, слишком громким, слишком резким в этой гнетущей, вязкой тишине, наполненной лишь монотонным шелестом дождя за окном и едва слышным, назойливым гудением процессора.

Марина подняла голову, и на секунду ее глаза, серо-голубые, с глубокой поволокой недосыпа и затаенной, старательно скрываемой тоски, встретились с его глазами, словно ища в них что-то, что она давно потеряла и отчаянно хотела найти. Она слабо, вымученно улыбнулась, но улыбка вышла неживой, натянутой, как у человека, который давно разучился улыбаться по-настоящему, который забыл, как это — радоваться простым, незамысловатым вещам, не связан-

ным с работой, с обязательствами, с бесконечным списком неотложных дел, который никогда не заканчивается, а лишь пополняется новыми пунктами.

— Да, давай, — ответила она тихо и снова опустила взгляд в экран, погружаясь в свой цифровой кокон, в этот иллюзорный мир, где не было места ни дождю, ни усталости, ни пустоте, но где не было и жизни, настоящей, полнокровной, дышащей, пульсирующей, той самой жизни, о которой они оба когда-то мечтали.

Он налил ей кофе, густой, черный, пахнувший горечью и чем-то безнадежным, поставил чашку рядом с ноутбуком, и она, не глядя, машинально пододвинула ее к себе, но пить не стала, оставив напиток остывать, как остывало все в этой квартире, в этом городе, в этой жизни. Андрей стоял, прислонившись к дверному косяку, и впервые за долгое, очень долгое время никуда не торопился, не думал о том, что нужно бежать, отвечать, успеть, сделать, выполнить. Он просто смотрел, как дождевые капли стекают по стеклу, оставляя за собой извилистые, слезящиеся дорожки, которые сливались, расходились, образовывали причудливые, почти художественные узоры, напоминающие карты неведомых, таинственных рек, текущих в неведомые края. В их беспорядочном, но неумолимом, целеустремленном движении к краю стекла было что-то успокаивающее, какая-то первобытная,

древняя простота, которой так мучительно не хватало его собственной, переусложненной жизни. Он не мог вспомнить, когда в последний раз смотрел на дождь просто так, без мыслей о пробках, о зонте, о том, что нужно успеть до очередного бессмысленного созвона, на котором снова будут говорить правильные, пустые слова, которые ничего не меняют. Он вообще не мог вспомнить, когда в последний раз ощущал себя не функцией, не винтиком в огромном, бездушном механизме, а живым, чувствующим человеком, способным ощущать что-то, кроме глухого раздражения и бесконечной, изматывающей усталости, которая пропитала каждую клетку его тела.

День прошел, как в тумане, как проходит уже много дней подряд, сливаясь в одну сплошную, серую, неразличимую полосу, лишенную каких-либо отличительных черт, каких-либо событий, за которые можно было бы зацепиться. Бесконечная череда звонков, писем, отчетов, совещаний, где люди говорили правильные слова, но никто никого не слушал, где улыбки были фальшивыми, а рукопожатия — холодными и скользкими, словно прикосновения змей. Андрей двигался по инерции, отвечал, подписывал, соглашался, кивал, чувствуя, как с каждым часом, с каждой минутой из него утекает нечто жизненно важное, нечто такое, что невозможно восполнить, как вода из незакрытого крана, как воздух из проколотой шины. Он был роботом, выгоревшей оболочкой,

которая имитирует деятельность, не понимая ее смысла, не видя ее цели, не ощущая никакой связи с тем, что она делает. К вечеру тяжелые тучи немного рассеялись, и сквозь них, как сквозь рваную, грязную вату, пробилось робкое, золотисто-розовое сияние заката, на мгновение окрасив мокрые крыши домов в благородный цвет старой, потемневшей меди. Андрей стоял у окна уже в другой комнате, в гостиной, и смотрел, как последние, умирающие лучи солнца отчаянно борются с наступающими сумерками, как они цепляются за края тяжелых облаков, за верхушки многочисленных антенн, за стекла далеких высоток, словно не желая уходить, словно не желая уступить место темноте. В этом зрелище была странная, щемящая, почти невыносимая красота, как предчувствие конца, которое всегда, неизбежно несет в себе зерно нового, неизвестного начала.

Марина вошла неслышно, остановилась рядом, и он почувствовал тепло ее тела, едва уловимое, как дуновение ветра из приоткрытой форточки. Она тоже смотрела на закат, и в ее глазах, обычно таких сосредоточенных и чуть отстраненных, сейчас отражались последние, гаснущие блики, словно отсветы далекого, недостижимого пожара. Ее рука нашла его руку, и это простое, естественное прикосновение, такое знакомое и такое давно забытое, отозвалось в нем глухой, но мощной волной боли, поднявшейся откуда-то из самых глубин его существа. Когда они в последний раз держались

за руки? Когда они последний раз молчали вместе, не думая о том, что нужно бежать, отвечать, делать, решать? Эти вопросы больно царапнули где-то глубоко внутри, обнажив ту страшную, зияющую пропасть, которая незаметно, исподволь выросла между ними за последние годы, годы, прошедшие в бесконечной гонке за призрачными целями. Он смотрел на их переплетенные пальцы, на то, как тусклый, умирающий свет заката мягко ложится на них, придавая им оттенок старинной, выцветшей фотографии, и чувствовал, как в груди что-то медленно, болезненно, со скрипом поворачивается, словно заржавевший, давно не смазываемый механизм, который отчаянно пытается снова прийти в движение.

— Я больше так не могу, — произнесла она тихо, почти шепотом, и в ее голосе было столько усталости, столько безысходной, застарелой тоски, что у Андрея сжалось сердце, а дыхание перехватило, словно от сильного удара.

Он не ответил сразу, потому что слова застревали в горле, превращаясь в тугой, неподатливый комок, который невозможно было ни проглотить, ни вытолкнуть наружу. Он только сжал ее ладонь чуть крепче, чувствуя, как хрупки ее пальцы, как напряжены сухожилия под тонкой, прохладной кожей, как бьется где-то совсем рядом ее пульс, слабый, но живой. В этом жесте было больше, чем во всех разговорах, которые они вели за последние месяцы. Больше понимания,

больше поддержки, больше отчаянной, почти безнадежной надежды на то, что все еще можно изменить, что они еще не окончательно потеряли друг друга в этом бесконечном лабиринте серых будней.

— Я тоже, — выдохнул он наконец, и это признание, сорвавшееся с губ, вдруг сделало их ближе, чем когда-либо, словно они оба одновременно сбросили с себя тяжелые, невидимые доспехи, которые носили так долго, что уже не замечали их, уже не ощущали их давящей тяжести.

Они долго, очень долго стояли у окна, наблюдая, как город медленно, неумолимо погружается в густую синеву вечера, как загораются одно за другим окна в домах напротив, как проспект внизу превращается в две светящиеся, извивающиеся реки, текущие в противоположных направлениях, словно крови по артериям огромного, но уже умирающего организма. В этой картине была своя, рукотворная, обманчивая красота, но она больше не обманывала Андрея, не завораживала его, как прежде. Он слишком хорошо знал цену этому сиянию: за каждым огоньком скрывались такие же уставшие, измученные люди, прикованные к своим экранам и своим бесконечным обязательствам, мечтающие о чем-то большем, но не решающиеся сделать шаг, не решающиеся разорвать порочный круг. Он внезапно, с пугающей ясностью понял, что задыхается, что эти стены давят на него, сжимают его,

что ему жизненно необходимо вырваться из этого бетонного лабиринта, увидеть небо, не расчерченное проводами и антеннами, почувствовать под ногами живую землю, а не мертвый асфальт, услышать настоящую тишину, а не вечный, изматывающий гул мегаполиса.

Отойдя от окна, он подошел к столу, где лежал его планшет, и машинально, почти не осознавая, что делает, открыл приложение с картами. Перед ним мгновенно развернулась огромная зелено-голубая равнина, расчерченная тонкими, извилистыми нитями дорог и рек, испещренная бесчисленными точками городов и поселков. Он начал листать, отдаляясь от города, уходя все дальше и дальше на север, туда, где пятна лесов сгущались в сплошную, темно-зеленую, почти черную массу, а синие прожилки озер становились все многочисленнее, все причудливее по форме. В этом виртуальном путешествии было что-то завораживающее, почти медитативное, почти гипнотическое. Его палец скользил по гладкому экрану, а взгляд жадно впитывал эти бескрайние просторы, нетронутые, дикие, живущие по своим, неведомым человеку законам. Он чувствовал, как с каждым движением пальца все дальше и дальше отодвигается от него городская суeta, как просыпается где-то глубоко внутри давно забытое, почти звериное чувство простора, жажда движения, жажда свободы.

И вдруг он увидел его. Небольшое безымянное озеро, затерянное среди густого хвойного леса, вдали от дорог и населенных пунктов. Оно было похоже на огромную, чистую слезу, упавшую с небес на зеленый бархат тайги. Синее пятно, окруженное темным кольцом древних, молчаливых деревьев, выглядело таким чистым и недосягаемым, что у Андрея перехватило дыхание, а сердце забилося чаще. Он представил себе это место с такой поразительной ясностью, словно уже бывал там когда-то, в другой, прошлой жизни: абсолютная тишина, нарушаемая лишь шепотом ветра и далеким криком птиц, прозрачная, ледяная вода, в которой отражаются высокие сосны и бесконечные облака, воздух, пахнущий хвоей, смолой и свободой. Эта картина, рожденная воображением, показалась ему более реальной, чем все то, что окружало его в этот момент. Она была как спасительный плот, брошенный ему посреди океана городской суеты, как тихая гавань, обещающая покой и забвение от всех тревог.

— А поехали в глушь? — произнес он, не отрывая взгляда от экрана. Его голос прозвучал глухо, но в нем уже слышались нотки того самого, давно забытого азарта, который когда-то, в молодости, толкал его на самые безумные поступки. — На озеро. Туда, где нет никого, где нет связи, где нет города.

Марина оторвалась от своего ноутбука, который, словно

магнит, притягивал ее обратно, к нерешенным задачам и бесконечным уведомлениям. Она подняла на него глаза, и в них вспыхнуло что-то похожее на удивление, смешанное с недоверием и тенью давно забытого волнения. Но потом, как будто что-то внутри нее щелкнуло, освободившись от долгого, тягостного плена, она улыбнулась. И это была настоящая, живая, теплая улыбка, та самая, от которой у него когда-то, много лет назад, сжималось сердце, и хотелось сворачивать горы, совершать невозможное.

— Я уже складываю рюкзак, — ответила она просто, и в ее голосе не было ни тени сомнения, ни капли страха перед неизвестностью, лишь спокойная, уверенная решимость.

Эта фраза, произнесенная так буднично, так обыденно, стала для них обоих точкой невозврата. Мостик был сожжен, не успев даже толком разгореться. Решение было принято в один миг, но оно зрело месяцами, годами, накапливаясь в них, как вода в резервуаре, чтобы в конце концов прорвать плотину и смыть все на своем пути.

Сборы были стремительными, почти лихорадочными. Андрей бросился к шкафу, вытаскивая старый, потертый рюкзак, который пылился на верхней полке. От него пахло нафталином и пылью — запахом забвения. Он начал скидывать туда вещи, не задумываясь о том, пригодятся они или нет:

теплый свитер, футболки, дождевик, спички, нож. Каждый предмет, попадавший в его руки, нес в себе воспоминание о прошлых походах, о тех временах, когда они были моложе, свободнее, смелее. Марина тем временем собирала провизию, складывая в пакет консервы, крупы, чай, сахар, шоколад. Ее движения были точными, но в них уже не было той механической отточенности, что утром. Она двигалась легко, почти танцуя, и Андрей, поглядывая на нее, ловил себя на мысли, что не видел ее такой уже очень давно. Будто сам предстоящий путь, еще не начавшись, уже смывал с нее усталость, возвращал к жизни, к той самой, прежней Марине, которую он полюбил когда-то.

За окном окончательно стемнело. Город, погруженный во тьму, казался не таким уж и страшным, скорее усталым и потухшим, как гигантский зверь, заснувший после долгого дня. Андрей закинул рюкзак на плечо, ощутив его приятную тяжесть. Эта тяжесть была ему знакома и мила, она означала, что впереди есть цель, путь, что-то настоящее, ради чего стоит просыпаться по утрам. Марина стояла в прихожей, уже одетая в походную куртку, с рюкзаком у ног. Она выглядела так, словно сбросила десять лет, в ее глазах горел тот самый огонек, который он так любил и который давно уже не видел. Этот огонек, словно искра, пробивающаяся сквозь пепел, наполнял его надеждой, что не все еще потеряно, что впереди их ждет нечто большее, чем просто поездка на озеро.

— Ну что, идем? — спросил он, хотя ответ был очевиден.

— Идем, — кивнула она, и они, не оглядываясь, вышли из квартиры, захлопнув за собой дверь, которая отсекала от них всю прежнюю жизнь, со всеми ее тревогами, обязательствами и бесконечной суетой.

Погрузка в машину прошла быстро. Старый, выдавший виды внедорожник, стоявший во дворе, встретил их запахом бензина и кожаменителя. Андрей повернул ключ зажигания, и двигатель отозвался негромким, но уверенным рокотом. Этот звук был ему в тысячу раз приятнее любых уведомлений, он звучал как обещание, как начало долгого пути, как гимн свободе. Они выехали со двора, и город начал медленно, нехотя разжимать свои объятия. Поначалу пейзаж был неизменен: бесконечные серые коробки многоэтажек, витрины магазинов, залитые мертвенным светом, остановки с редкими прохожими, кутающимися в воротники от промозглого ветра. Но постепенно, километр за километром, картина начала меняться, словно кто-то невидимый медленно стирал с лица земли следы цивилизации.

Сначала исчезли пробки, и машины на встрече стали появляться все реже, пока не пропали совсем. Потом многоэтажки сменились частным сектором, с его покосившимися-

ся заборами и палисадниками, где еще теплилась какая-то жизнь. Свет уличных фонарей стал тусклее, а потом и вовсе пропал, уступив место крошечной тьме, которую разрезали лишь лучи фар. Андрей опустил боковое стекло, и в салон ворвался сырой, прохладный воздух. Это был уже не тот воздух, которым он дышал утром. В нем не было ни бензина, ни пыли, ни запаха разогретого асфальта. Он был чистым, густым, напоенным влагой и каким-то едва уловимым ароматом прелых листьев и близкого леса. Этот запах, простой и глубокий, ударил в голову сильнее любого вина, пробуждая давно забытые инстинкты, возвращая к чему-то изначальному, первобытному, что дремало в нем все эти годы.

Марина сидела рядом, откинувшись на спинку сиденья и полуприкрыв глаза. Она молчала, но это было не тяжелое, напряженное молчание, а легкое, наполненное покоем. Она тоже чувствовала эту перемену, это освобождение, которое наступало с каждым километром, отделявшим их от города. Андрей бросал на нее короткие взгляды, и ему казалось, что он видит ее заново, впервые за долгие годы. В слабом свете приборной панели ее профиль был четким и нежным, как силуэт на старинной камее. Он вдруг вспомнил, как они познакомились, как спорили до хрипоты о пустяках, как мечтали о путешествиях, о том, что обязательно объедут весь мир. Куда все это делось? Когда они позволили городу украсть у них время, мечты, саму способность чувствовать? Эти во-

просы проносились в его голове, как осенние листья, гонимые ветром, не находя ответа.

За поворотом лес подступил вплотную к дороге. Темные, молчаливые силуэты сосен и елей, словно гигантские стражи, возвышались по обеим сторонам, и асфальтовая лента, сужаясь, уходила в их черный провал. Свет фар выхватывал из темноты то корявую ветку, нависшую над дорогой, словно лапа чудовища, то ствол упавшего дерева, поросший мхом, то серебристый блеск паутины, растянутой между кустами. Вокруг царила такая глубокая, первозданная тишина, что казалось, ее можно было услышать. Даже шум мотора не мог ее нарушить, он лишь подчеркивал ее бездонную глубину. Андрей сбросил скорость, и машина теперь почти кралась, осторожно, как зверь, проникший в чужие владения. Ему хотелось впитать в себя эту тишину, этот мрак, этот запах, наполниться ими до краев, чтобы вытеснить из себя все то, что отравляло его жизнь.

Он почувствовал, как внутри него что-то медленно расправляется, разгибается, словно затекшая пружина. Груз, давивший на плечи все последние месяцы, становился легче, таял, как туман на рассвете. Каждый вдох этого влажного, лесного воздуха был как глоток живой воды. Он слышал, как шуршат шины по асфальту, как тихонько поскрипывает подвеска на неровностях, как ровно дышит Марина рядом, и все

эти звуки были частью одной, гармоничной мелодии, которая звучала только для них двоих. Он поймал себя на мысли, что улыбается. Улыбается просто так, без причины, от ощущения движения, от предвкушения, от нахлынувшего чувства свободы, которое, как ему казалось, было утрачено навсегда.

Впереди, в просвете между деревьями, блеснула стальная гладь. Небольшая речка, петляя, пересекала дорогу, и они проехали по шаткому деревянному мостику, который отозвался гулким эхом под колесами. Андрей мельком увидел, как в воде отражаются звезды, рассыпанные по небу, словно алмазная крошка. Это зрелище, мимолетное и прекрасное, окончательно утвердило его в правильности их решения. Он вдруг остро, почти до боли, осознал, как много всего он перестал замечать, разучившись поднимать голову к небу. Целый мир жил своей, недоступной ему жизнью, пока он корпел над своими отчетами и таблицами. Этот мир был полон красоты и тайны, и он был здесь, рядом, стоило только протянуть руку.

Марина открыла глаза и тоже посмотрела вперед, туда, где за темной стеной леса угадывались бескрайние просторы.

— Как здесь тихо, — прошептала она, и в ее голосе было благоговение, какое бывает у человека, впервые вошедшего

в храм.

Андрей ничего не ответил, лишь накрыл ее руку своей, лежащей на подлокотнике. Ее кожа была прохладной, но прикосновение согревало. В этом жесте, в этой тишине, в этом совместном движении сквозь ночной лес было больше близости, чем во всех их разговорах за последний год. Они ехали в неизвестность, оставив позади не только город, но и часть себя — ту, уставшую, опустошенную, циничную. А впереди, за этим бескрайним морем темноты, их ждало озеро. Оно ждало их, затерянное среди сосен, молчаливое и чистое, как сама надежда. И Андрей чувствовал, что они на правильном пути. Они ехали не просто на озеро. Они ехали к себе, к тем, кем когда-то были и кем так хотели снова стать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.